

М.В. Шумилин

ПОЛИФЕМ И «ОСЛЕПЛЕННЫЕ БЕЗУМИЕМ» В «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ» ЛУКАНА

В замечательной статье 2000 г. Мэтью Ли¹, сопоставив описания змеи дипсады («жаждынки») и действия ее вызывающего жажду яда в IX книге «Гражданской войны» Лукана с лукиановским сочинением «О дипсадах», указал, что в обоих текстах содержится отсылка одновременно к образу вечно жаждущего Тантала и к его аллегорической трактовке как изображения алчного человека, который никогда не сможет насытиться (ср. особенно *Luc.* 9. 610 in mediis sitiebant dipsades undis «Дипсады, сидя среди самых вод, все равно испытывали жажду», см. также 9.737–760). Можно найти и другие похожие «намекы» в тексте Лукана: например, в V книге Цезарь, чудесным образом избежав смерти на утлой лодчонке во время шторма в Адриатическом море, *fortunam... suam tacta tellure geserit*, «прикоснувшись к земле, вновь обрел власть над своей фортуной» (*Luc.* 5. 677) – формулировка, заставляющая вспомнить об образе Антея²; во фразе Помпея *praecipites aderunt casus: properante ruina / summa cadunt* «Все обрушится с головокружительной быстротой: самое высокое рушится ускоряющимся об-

¹ Leigh 2000.

² Сюжеты с участием Геракла были одним из любимых объектов древней аллегорезы: см.: Galinsky 1972. Сын Земли Антей, набравший сил от прикосновения к ней, аллегорически трактуется как «противостоящее» (ἀντίον) человеку желание, которое чем больше удовлетворяешь, тем оно становится сильнее, например, у Фульгенция (*Fulg. Myth.* 2. 4 – Фульгенций, правда, говорит только о сексуальном желании, и такая трактовка хуже подходит к лукиановскому Цезарю, но возможно, что Лукан имел дело с каким-то вариантом этой трактовки, говорящем о желании вообще или желании власти). Миф об Антее прямо излагается Луканом в IV книге; Lowe 2010 видит намек на образ Цезаря и в том прямом рассказе об Антее.

валом» (*Luc.* 5.746–747) можно увидеть намек на образ Сизифа («если докатить камень до самого верха, он падает с особенным разгоном»); причем Сизиф как раз интерпретируется как аллегория стремящегося к власти человека, например, в *Lucr.* 3. 995–1002)³. Такие места особенно интересны, если учесть, что собственно надежных вербальных отсылок к конкретным местам греческих поэтических текстов (отсылок, привычных, например, для Вергилия, Овидия или Стация) у Лукана удастся найти на удивление мало (в отличие от отсылок к латинской поэтической традиции)⁴. В первой части настоящей статьи мы предполагаем уцепиться за одну из все-таки выделяемых у Лукана аллюзий на Гомера и указать на наличие в сцене ариэтии Сцевы (а также и в некоторых других частях поэмы Лукана) целого комплекса отсылок к образу киклопа Полифема и других подобных ему чудовищ. Во второй части мы рассмотрим, как повлияет допущение, что Лукан имел в виду часто прилагающиеся в античности к образу Полифема аллегорические интерпретации, на наши представления о замысле Лукана.

I

В эпизоде из VI книги «Гражданской войны» войскам Помпея в результате неожиданного нападения почти удается прорвать окружение, взяв один из блокпостов Цезаря. Войска Цезаря обращаются в бегство, и только один

³ Правда, в параллельном месте *Luc.* 1. 70–71 скорее имеется в виду обрушение верхних частей слишком разросшихся построек (ср. *Luc.* 1. 81); но зато в другом параллельном месте, *Sen.* NQ 4 praef. 22, речь, вероятно, идет о скатывании предмета с горы: ...quae illi ingenti spectaculo interfuit ex quo liquere mortalibus posset quam velox foret ad imum lapsus e summo quamque diversa via magnam potentiam fortuna destrueret; uno enim tempore vidit Pompeium Lepidumque ex maximo fastigio aliter ad extrema deiectos, cum Pompeius alienum exercitum fugeret, Lepidus suum. – «Она (история. – М.Ш.) присутствовала при том величественном зрелище, когда смертные могли ясно видеть, сколь стремительно скатывание с самого верха к самому низу и сколь различными путями судьба разрушает великую власть – ведь она наблюдала, как в одно и то же время Помпей и Лепид с самой вершины были разными способами повержены так низко, как только возможно, Помпей – убегая от чужого войска, Лепид – от собственного» (слово *velox* «быстрый» применительно к пространственному перемещению, кажется, должно обозначать скорее линейное движение, а не обрушение; см. примеры в OLD s. v.). Не нужно пояснять, что образы Лукана совсем не обязательно его собственное изобретение.

⁴ См., например: Matthews 2008: в этой самой сцене шторма в V книге мы бы ожидали активного использования сюжетно очень близкого эпизода из V книги «Одиссеи», когда Одиссей сражается с бурей на маленьком плоту, но, кроме двух возможных гомеровских калек в начале эпизода, которые Matthews 2008: 138–139 трактует как своего рода маркер преемственности (*Luc.* 5. 564–565: *niger...horror* «черная рябь» = μέλαινα φρίξ, Od. 4. 402; *terga maris* «хребет моря» = νῶτα θαλάσσης, Il. 2. 159, Od. 5. 142 et al.), соответствий, по сути дела, вообще не удастся найти; ср. также скудные и в основном невербальные параллели, собранные в Lausberg 1985, Green 1991, Nosiус 1907.

центурион Сцева мужественно остается на своем месте и в одиночку удерживает врагов до прихода подмоги (*Luc.* 6. 118–262). Имя Кассия Сцева известно из исторических источников: все они сходятся на том, что в одном из сражений при Диррахии этот центурион потерял глаз и в щите его нашли 120 или 130 стрел, чаще всего еще упоминается, что он был ранен в плечо и бедро, но пост при этом не покинул⁵. Лукан делает из этого эпизода утрированную гротескную сцену: Сцева проявляет сверхчеловеческую доблесть, в одиночку удерживая полчища врагов, грудь его оказывается усеяна стрелами настолько, что новым уже некуда втыкаться (щит лукановский Сцева отбрасывает), и все это подается Луканом как пример фантастического, но, увы, направленного на зло героизма.

Джан Бьяджо Конте в своем комментарии к этому эпизоду⁶ приложил специальные усилия, чтобы собрать близкие параллели к Гомеру. Их получилось три. В двух из этих случаев можно, однако, усомниться, что Гомер был непосредственным объектом лукановской отсылки⁷. Остается третья параллель⁸.

⁵ См.: Marti 1966. У Плутарха есть также соответствие лукановской сцене, в которой Сцева притворяется сдающимся, чтобы подманить врагов поближе (*Plut. Caes.* 16. 3–4, ср.: *Luc.* 6. 228–246).

⁶ Conte 1988: 43–112.

⁷ Во-первых, отмечает Conte 1988: 66, введение Сцева как персонажа (*Luc.* 6. 140–150) выстроено Луканом по той же модели, по которой вводятся персонажи в двух пассажах из «Одиссеи» (*Od.* 18. 1–9; 20. 287–291): вводное упоминание – наименование – краткие сведения о персонаже – начало его реплики. Вербальной параллелью можно было бы считать внутри этой схемы *Luc.* 6. 144 *Scaeva viro nomen* «Имя мужу Сцева» = *Od.* 18. 5 Ἄρναϊός δ' ὄνοϊ' ἔσκε «А имя его было Арней» / *Od.* 20. 288 Κτήσιππος δ' ὄνοϊ' ἔσκε «А имя его было Ктесипп». Но эта схема вообще является логичной для ситуации, когда персонаж вводится только для одного эпизода (почти в точности, например, ее воспроизводит Овидий в *Met.* 2. 687–692), и вербальную параллель можно считать не такой уж обязывающей: при наименовании персонажа не так удивительно появление слова «имя». Во-вторых, прообраз сравнения Сцева со стеной (*Luc.* 6. 201–202: *stat non fragilis pro Caesare murus / Pompeiumque tenet* «Крепчайшая стена стоит на защите Цезаря и удерживает Помпея») Conte 1988: 89 также находит у Гомера: ср. II. 1. 283–284 (об Ахилле) μέγα πάσιν / ἔρκος Ἀχαιοῖσιν... πολέμοιο κακοῖο «для всех ахейцев великая ограда от злой войны», II. 3. 229 (об Аяксе Теламониде) ἔρκος Ἀχαιῶν «ограда ахейцев». Однако Bonner 1966: 283 находит более точно соответствующую лукановской ситуации параллель, *Polemo Decl.* 2.10 ἔνθα πολλὰ μὲν βελῶν καὶ κοντῶν καὶ ξιφῶν καὶ παντοδαπῶν βλημάτων ὑπεδέξατο, πάσας δὲ αὐτῶν ὑπέμεινε τὰς προσβολὰς ὥσπερ ἐξ ἀδάμαντος ὦν πύργος ἢ τεῖχος ἄρηκτον ἢ ἀντίτυπος πέτρα ἢ θεὸς ἀνθρώποις μαχόμενος «Тогда он (афинский полемарх Каллимах. – *М.Ш.*) принял на себя множество стрел, и копий, и мечей, и всевозможных метательных орудий, но все их удары выдержал, словно он был башней из стали, или несокрушимой стеной, или скалой, от которой отскакивают удары, или богом, сражающимся с людьми» (ср. также: Leigh 1997: 185). Похоже, что Лукан в данном случае скорее пользуется риторической топикой, чем Гомером.

⁸ В неразвернутой форме она отмечена в Conte 1988: 81.

Стоя на валу, Сцева обороняется от штурмующих помпеянцев в том числе и при помощи огня (*Lucr.* 6. 178–179):

alterius flamma crinesque genasque
succendit: strident oculis ardentibus ignes.

«У другого он поджигает при помощи пламени волосы и щеки: огонь шипит из-за того, что загорелись глаза». Глагол *strideo* обозначает звук, с которым шипит раскаленное железо, если его опустить в воду, как поясняет Овидий (*Ov. Met.* 12. 274–279)⁹:

correpti rapida, veluti seges arida, flamma
arserunt crines, et vulnere sanguis inustus
terribilem stridore sonum dedit, ut dare ferrum
igne rubens plerumque solet, quod forcipe curva
cum faber eduxit, lacubus demittit; at illud
stridet et in tepida submersum sibilat unda.

«Волосы запылали, охваченные моментально распространяющимся пламенем, словно сухая нива, и кровь, подпаленная внутри раны, издала звук, ужасный своим шипением (*stridore*), как тот, что обычно издает раскаленное на огне железо, которое кузнец, вытащив изогнутыми щипцами, опускает в воду, оно же шипит (*stridet*) и свистит, оказавшись в прохладной воде». Овидий, конечно, намекает на гомеровскую параллель и делает это, в отличие от Лукана, вполне недвусмысленно (*Od.* 9. 391–394):

ὡς δ' ὅτ' ἀνήρ χαλκεὺς πέλεκυν μέγαν ἠὲ σκέπαρνον
εἰν ὕδατι ψυχρῷ βάπτῃ μεγάλα ἰάχοντα
φαρμάσων· τὸ γὰρ αὖτε σιδήρου γε κράτος ἐστίν·
ὡς τοῦ σίζ' ὀφθαλμὸς ἐλαϊνέῳ περὶ μοχλῶ.

«Как когда муж-кузнец, закаляя, опускает в воду большой топор или тесло, которые издадут сильный шум (от этого ведь зависит крепость железа), так у него (Полифема. – *М.Ш.*) зашипел глаз, когда в тот вошел кол из оливкового дерева». Можно было бы подумать, что Лукан использует Овидия, а не Гомера (с Овидием много лексических совпадений: *crines*, *flamma*, *ardeo*), но у Овидия отсутствует та деталь, что «шипение» производится именно глазами. Более того, в классической латинской поэзии слово *strideo* вообще не применяет к горению глаз никто, кроме Лукана. По-видимому, Лукан в этой компактной

⁹ Ср. также: *Lucr.* 6. 148–149; *Verg. Georg.* 4. 172–173, *Aen.* 8. 450–451, *Ov. Met.* 9. 170–171.

фразе делает отсылку одновременно и к Овидию, и к используемому им гомеровскому месту.

Давно отмечался другой объект отсылок рассказа о Сцеве – нарративы о республиканских героях¹⁰. Сверхчеловеческое, титаническое вообще ассоциируется у классических латинских поэтов, с одной стороны, с республиканской героикой, с другой – с республиканским эпосом и его языком¹¹. Конте¹² видит в *Luc.* 6. 192–193 аллюзию на *Enn.* Ann. 391–398 Skutsch и даже *exempli gratia* восстанавливает на основании текста Лукана недошедший стих Энния. Кроме того, на протяжении этого не очень длинного эпизода Лукан дважды прибегает к вообще совсем не характерному для него приему: к этимологической фигуре, но не в ее утонченной александрийской версии, а к прямолинейному и

¹⁰ См. особенно: Leigh 1997: 158–190.

¹¹ Хороший пример из Лукана – наделенный сверхчеловеческими свойствами Катон Утический, с которым все время связываются похожие выражения, характеризующие его речь как речь не человека, а бога: *argano sacras reddit Cato pectore voces* «Катон выдает из самых глубин груди священные слова» (*Luc.* 2. 285); *erupere ducis sacro de pectore voces* «Из священной груди вождя вырвались слова» (*Luc.* 9. 255); *pauca Catonis / verba sed a pleno venientia pectore veri* «немногочисленные, но идущие из груди, полной истины, слова Катона» (*Luc.* 9. 188–189); когда Катон оказывается у святилища Аммона, Лабиен побуждает его обратиться к оракулу: *tua pectora sacra / voce reple* «Наполни священным голосом свою грудь» (*Luc.* 9. 561–562), – и в ответ *ille deo plenus, tacita quem mente gerebat, / effudit dignas adytis e pectore voces* «он, полный божества, которое носил молча в своем разуме, излил из груди слова, достойные оракула» (*Luc.* 9. 564–565). С одной стороны, это вариации на тему строки из Энния, в которой, согласно О. Скутчю, говорится о каком-то божестве: *effudit voces proprio cum pectore sancto* «излил слова своей священной грудью» (*Enn.* Ann. 553 Skutsch). С другой стороны, необычная для латинского эпоса степень повторяемости элементов фразы напоминает гомеровские формулы, что, видимо, подчеркивает «архаическость» уже на стилистическом уровне. Вергилий, по-видимому, тоже делает «формулы» из энниевских выражений: ср. выражение *Iuppiter/pater omnipotens* «всемогущий Юпитер/отец» в *Verg.* Aen. 1. 60 et al., *Lucr.* 5. 399 и *Enn.* Ann. 447 Skutsch (см. также: Norden 1903: 277). Высокая степень формульности характеризует и сам латинский архаический поэтический язык (если не Энния, то уж Лукреция точно), но уже здесь видно, что ассоциации, связанные с архаическим латинским и греческим эпосом, смешиваются; дополнительно этому способствует то, что и тяжеловесный эпос на темы римской истории (частный случай которого – Энний), и условная тяжеловесная гиганто-/титаномехия (а иногда и Гомер) на равных правах могут противопоставляться понимаемой в каллимаховском духе «скромной» поэзии (ср., например, *Prop.* 2. 1. 17–42; 3. 9. 47–56, *Ov.* Am. 3. 12. 15–16). В результате в случае Энния эта «тяжеловесность» часто понимается как «безыскусность» (ср.: Barchiesi 1997: 24–27; Hinds 1998: 63–74), поэтому, видимо, в этот комплекс ассоциаций и входят те стилистические особенности текста Энния, которые сами по себе скорее запрещаются стилистикой классической римской поэзии; в то же время такое смешение создает почву для того, чтобы смотреть на республиканских героев как на гиганто- или титаноподобных сверхлюдей (или чудовищ).

¹² Conte 1988: 25–32.

почти тавтологическому ее варианту, характерному для архаической римской поэзии¹³. В *Luc.* 6. 128 Лукан воспроизводит вергилиевскую комбинацию *agmen agit* «ведет строй»¹⁴, а в *Luc.* 6. 210, похоже, также подразумевает аналогичную фигуру во фразе *mota cute discutit* «раскидывает движением кожи». По-видимому, эта фигура ассоциируется с грубоватым языком республиканской поэзии и через него с республиканской сверхчеловечностью¹⁵. Другой возможный пример такого «открытого» варианта этимологической фигуры у Лукана – *Luc.* 6. 389–390: *teque sub Oetaeo torquentem vertice volsas, / Rhoecae (receptit Housman ex codd. dett.: Rhoete codd. vetustissimi) ferox, quas vix Boreas inverteret ognos* «и тебя, яростный Рек, выкручивающего под вершиной (*vertex*) Эты ясени, которые с трудом вывернул бы (*inverto*) Борей». На этот раз речь идет о кентавре (ср. *Luc.* 6. 386–387), другом воплощении грубой монструозности: она, видимо, ассоциируется с языком архаической римской поэзии через посредство республиканской героики уже и сама по себе (впрочем, Рек/Рет бывает и гигантом, как в *Hor. Carm.* 2. 19. 23; 3. 4. 55–56 *Rhoecus (edd. vet.: Rhoetus codd. recipiente Borszák) evolsisque truncis / Enceladus iaculator audax* – «Рек и Энкелад, дерзкий швырятель вырванными стволами», *Sidon. Carm.* 6. 24; также интересно, что в *Ov. Met.* 12. 274–279, в пассаже про горящие волосы, к которому отсылает Лукан, именно этот кентавр Рек/Рет поджиг лапифа Харакса¹⁶.

Из конкретных республиканских персонажей Сцева явно должен ассоциироваться с Муцием Сцеволой (значение схожих имен – «левша» – по-видимому, несколько раз обыгрывается Луканом: Сцева отбрасывает щит, чтобы не вышло, что его левая рука бездействует, *Luc.* 6. 202–205; стрела попадает ему в левый глаз, *Luc.* 6. 216)¹⁷ и – даже в большей степени – с Горацием Коклесом¹⁸. Сцева у

¹³ Ср., напр., *Enn. Ann.* 48–49 *Skutsch* (*caerulea caeli / templa* «небесно-голубые храмы/ области неба»), 72 *Skutsch* (*curantes... cum cura* «заботящиеся с заботой»), 148 *Skutsch* (*lumina lucent* «светят светочи»); *Enn. Med.* 211 *Jocelyn* (*nominatur nomine* «именуется именем»); *Plaut. Pseud.* 745 (*in re advorsa vorvari* «выкручиваться в неприятностях»), *Mil.* 938 (*dolum dolamus* «вытесываем проделку»).

¹⁴ Ср. *Verg. Aen.* 7. 707; 804; 11. 433. Слово *agmen* этимологизируется через *ago* в Σ^B *Luc.* 1. 478 и в *Isid. Etym.* 9. 3. 64 (см.: О'Нара 1996: 195, 199, 230).

¹⁵ Haffter 1934: 33. *Anm.* 7, Flores 2000: 56 и Conte 1988: 59 считают такую этимологическую фигуру признаком торжественного и архаичного языка.

¹⁶ Еще один пример такой этимологической фигуры у Лукана – *Luc.* 8. 462 *inde maris vasti transverso vertitur aestu* «Далее он (Помпей. – *М.Ш.*) разворачивается так, что путь его оказывается поперек течения широкого моря» – объясняют аллюзией на *Manil.* 3. 308 *super transversum vertitur axem* «Он (мир. – *М.Ш.*) вертится над осью, идущей поперек направления его движения» (Postgate 1917: 88, Mayer 1981: 140). Манилий, видимо, в свою очередь изображает тяжеловесный лукрецианский язык.

¹⁷ См.: Henderson 1988.

¹⁸ См.: Leigh 1997: 164.

Лукана, собственно, оказывается сюжетным дублетом Коклеса: Коклес также в одной из версий в одиночку удерживает врагов, пока за его спиной не разрушат мост¹⁹. Насколько Коклес – первый приходящий в голову пример «воюющего в одиночку против целой армии», хорошо видно по пассажиу Клавдиана, перечисляющего *exempla* разных добродетелей²⁰ (*Claud. IV Cons.* 405–406):

vel solus quid fortis agat, te ponte soluto
oppositus Cocles, Muci te flamma docebit.

«На что способен храбрец даже в одиночку, тебе расскажут Коклес, противоставший врагу на разрушенном мосту, и пламя Муция». Поэтому некий оттенок двусмысленности приобретает лукановский парадокс (*Luc.* 6. 191–192) *parque videt Fortuna novum concurrere, bellum / atque virum* «И Фортуна наблюдает столкновение не виданной прежде пары соперников: вся война против одного мужа». Ведь на самом деле Фортуна уже имела случай наблюдать такое, когда Коклес сражался с этрусками²¹. Может быть, ощущение «дежа вю» как раз и должно привлечь внимание читателя к этой фразе: все «небывалое» в этой войне на самом деле что-то повторяет.

¹⁹ Münzer 1913.

²⁰ Несмотря на временной разрыв, Клавдиан, конечно, использует ту же самую традицию сборников *exempla*, что и Лукан, если не просто те же самые сборники: *Cameton* 1970: 338–339.

²¹ За этими словами в тексте следует фраза *fortis crebris sonat ictibus umbo* «крепкий щит трещит под частыми ударами», первое слово которой (довольно странный эпитет щита, букв. «сильный», «стойкий») долгое время считалось проблемным. Готтлиб Корте и Ричард Бентли (*Kortte* 1726: 167; *Bentley* 1816: 276), в частности, независимо друг от друга предлагали исправить это слово на *fortem* и отнести к предшествующей фразе, ... *atque virum fortem* «против одного храброго мужа»; Бентли мотивировал эту конъектуру заманчивой параллелью с пассажем из Сенеки, *Sen. Prov.* 2. 9 (речь идет о смерти Катона Утического): *ecce spectaculum dignum, ad quod respiciat intentus operi suo deus, esse par deo dignum, vir fortis cum fortuna mala compositus, utique si et provocavit* «Вот зрелище, достойное того, чтобы на него направил свой взор напряженно следящий за своим трудом бог, вот гладиаторская пара, достойная бога: стойкий муж против злой судьбы, особенно если он сам же и бросил ей вызов». *Housman* 1970: 158, возражая против этой конъектуры, указывал на параллельное место *Il. Lat.* 592–593, где к щиту (*clipeus*) применяется эпитет *fortis* (*Conte* 1988: 85 считает, что это перевод гомеровского *στῆθαρόν σάκος* «крепкий щит», *Il.* 3. 335 et al.; судя по контексту параллельного места из «Латинской Илиады», может быть, это скорее *Il.* 7. 245 *δειδὸν σάκος* «страшный щит»). Если считать параллель релевантной (независимо от того, рассматривать ли возможность принятия конъектуры), то получается, что Лукан вводит еще один параллельный временной пласт, который находится в будущем для Сцевы и, возможно, должен был войти в ненаписанную часть «Гражданской войны», – героическую смерть еще одного «республиканско-чудовищного» героя, Катона (о связи лукановского Катона с «чудовищным», а также с аллегорически истолкованным образом Геракла, см.: *Leigh* 1997, *Hershkowitz* 1998: 197–246, *Moretti* 1999).

Кроме того, как и Сцева, Коклес одноглаз. Причем сам когномен Коклеса, по-видимому, указывает на тот же сюжетный элемент и происходит от греческого слова Κύκλωψ «киклоп», и эта этимология вполне сознавалась уже в античности, ср. *Plut. Publ. 16. 7²²*: ὁ δ' Ὀράτιος τὸν Κόκλην (*W. Meyer*: κλόκλιον, κόκλιος *codd.*) ἐπωνύμιον ἔσχεν, ἐν πολέμῳ τῶν ὀμμάτων θάτερον ἐκκοπεῖς ὡς δ' ἔνιοι (ἕτεροι *cod. optimus recipiente Ziegler*) λέγουσι, διὰ σιμότητα τῆς ῥινὸς ἐνδεδυκυίας, ὥστε μηδὲν εἶναι τὸ διορίζον τὰ ὄμματα καὶ τὰς ὀφρῦς συγκεχύσθαι· Κύκλωπα βουλόμενοι καλεῖν αὐτὸν οἱ πολλοὶ τῆς γλώσσης ὀλισθανούσης *** (*lacunae notam posui*) ἐκράτησεν (*codd. recentiores – fort. coniectura saec. XIV – et edd. multi*: ἐκράτησαν *codd. meliores*) ὑπὸ πλήθους (εἰς τὸ *hic add. cod. optimus, recipiunt edd. quidam*) Κόκλην καλεῖσθαι (*totum locum obelis notat Ziegler*: ἐκράτησαν ὡς ὑπὸ πλήθους Κόκλην καλεῖσθαι *Flacelière*) «Гораций же получил прозвание “Коклес” из-за того, что потерял на войне один из двух глаз, а по утверждению некоторых, потому что нос у него был впалый, так что ничто не разделяло его глаза и брови его соединялись вместе, и, желая назвать его “Киклопом”, народ, поскольку не мог выговорить как следует, *** и возоблудило под давлением большинства наименование “Коклес”». Мы, таким образом, вдруг подошли другим путем к тому же самому сюжету, на который вывела нас вербальная аллюзия. И связь здесь не поверхностная, а вполне логичная: как мы уже говорили, за «республиканским» часто кроется в качестве второго слоя «чудовищное», «монструозное». С образом республиканского эпоса как идеально героического и грубоватого смешивается образ «эпоса *par excellence*» о борьбе с гигантами или чудовищами²³.

Уцепившись за найденную нами параллель, можно найти и другие сходства с эпизодом ослепления Полифема, которые не показались бы нам однозначной отсылкой сами по себе. Так, Сцева, среди прочего, разносит врагам головы и разбрызгивает их мозги (*Luc. 6. 176–178*), как и Полифем делает со своими жертвами (*Od. 9. 289–290; 458–459; 498–499*); Сцеву смогли бы сдвинуть с порога (*limen*) ворот, которые он защищает, только таран или баллиста (*Luc. 6. 200–201*), как камень, которым Полифем заваливает вход и на месте ко-

²² Ср. также: *Serv. in Verg. Aen. 8. 649 = Isid. Etym. 10. 163*.

²³ См. выше примеч. 11. По поводу звероподобности и монструозности самого Сцевы ср. *Luc. 6. 183, 6. 220–223* и особенно *6. 207–213* (стих 207, мы полагаем, следует вопреки мнению большинства издателей оставить в тексте, принимая в начале следующей строки чтение *Gaetulus*; в ответ на традиционное возражение о невятности фразы *par relagī monstris* – (готовящийся упасть на врага Сцева) «так же велик, как чудища моря» – можно высказать предположение, что это аллюзия на *AR 3. 1395*, где скошенные Ясоном «землерожденные», другой пример гигантских монстров, оказываются *κῆτεσσι δομῆν ἀτάλαντοι ἰδέσθαι* «так же велики на вид по размеру своего тела, как морские чудища»).

того после встает сам, не смогли бы сдвинуть с места (ἀπ' οὐδενος)²⁴ даже 22 колесницы (Od. 9. 241–243); Сцева вырывает воткнувшуюся в его глаз стрелу и растаптывает ее вместе с глазом (*Luc.* 6. 217–219), как и Полифем собственноручно вырвал кол из своего глаза (Od. 9. 396–397).

Кажется, вербальная параллель с историей о Полифеме из «Одиссеи» есть у Лукана еще в одном месте. Когда Цезарь пытается заблокировать для Помпея выход из гавани Брундизия, набросав в узкий проход камней, затея проваливается, потому что море заглатывает их (*Luc.* 2. 663–668):

cedit in immensum cassus labor; omnia pontus
haurit saxa vorax montesque inmiscet harenis,
ut, maris Aegati medias si celsus in undas
depellatur Eryx, nullae tamen aequore rupes
emineant, vel si convolso vertice Gaurus
decidat in fundum penitus stagnantis Averni.

665 Aegati Rossbach: Aegaei codd.: Aeolii Bentley recipiente Housman: Ionii Burman Maior: Aegatum vel Hennaeci Kortte: Aetnaei Oudendorp, Bothe: Hadriaci d'Orville: Ausonii etiam prop. Bentley: Aegusae Young: Aegatis Bourgeri **666** Eryx] Athos Sabellico: apex Withof

«Пустой труд пропадает в бескрайней пучине; прожорливое море заглатывает все камни и замешивает глыбы в песке, как, если в волны посреди Эгатского моря²⁵ сбросить громадный Эрикс, то все же из моря не будут выдаваться

²⁴ Можно ли объяснить странноватое в данном контексте лукановское слово *limen* «порог» трактовкой гомеровского οὐδης «поверхность земли», как если бы это было слово οὐδός «порог»? Следов такого толкования гомеровского текста в античности мы не находим, но в принципе известны прецеденты аналогичного подхода к интерпретации Гомера: так, в П. 1. 50 форма οὐρηας, которая должна бы значить «мулов», трактовалась также как грамматически аномальная форма от созвучного οὐρος «караульный» (*Aristot. Poet.* 1461a 9–12).

²⁵ Ветушко-Калевич 2011 удачно отмечает параллель, про которую, кажется, действительно так никто и не вспомнил в ходе долгих споров о тексте этого пассажа – *Luc.* 5. 612–614, где Эгейское море во время бури перемещается на место Тирренского, а Адриатическое – на место Ионийского. Действительно, логично предположить, что в обоих случаях за «Эгейским морем» рукописей стоит одно и то же море, прилегающее к Сицилии. Но считать вслед за автором этого доклада, что Лукан образует название Aegaeus от Aegates (Эгатские острова к западу от Сицилии), мы полагаем, все-таки проблематично с точки зрения словообразовательных моделей латыни и греческого. Учитывая же, что для Эгатских островов также зафиксировано название Aegatae (*Mela* 2. 105, *Flor.* 1. 18. 132 Malcovati, [*Aur. Vict.*] *Vir. ill.* 41. 1), которое могло трактоваться просто как прилагательное I–II склонения, мы полагаем, вполне можно представить, что море просто называлось тем же самым словом (Aegatum); естественно, это редкое

никакие утесы, или если Гавр обвалившейся вершиной упадет на дно Аверна, разливающегося вглуби»²⁶.

В тексте, видимо, нужно принять какое-то из исправлений, устраняющих то противоречие, что сицилийская гора Эрикс в рукописном тексте почему-то сбрасывается в Эгейское море (проще, видимо, каким-нибудь из способов сделать, чтобы имелось в виду море, прилегающее к Сицилии). Но в любом случае идея должна быть в том, что, хоть бросаются и совершенно огромные предметы (целая гора в первом случае), пучина, поглощающая их, оказывается еще больше (море в первом случае, и во втором случае про Аверн, видимо, тоже подразумевается, что он очень глубокий, раз доходит до загробного мира). Зачем же тогда нужна подрывающая эту идею оговорка, что бросается только вершина (vertex) Гавра? В латинском тексте это остается скорее непонятным. Вершину при желании можно отломить так, что она будет маленькой; сама по себе вершина не является большой.

Эта проблема не очень часто отмечалась, но у некоторых читателей все же, видимо, вызвала желание как-то поправить ситуацию. Л.Е. Остроумов переводит без оговорок, но, похоже, по чьей-то (Ф.А. Петровского?) конъектуре *converso* вместо *convolso* (тогда выходит, что Гавр кидается в Аверн «вершиной вниз»): «Как если бы Гавр, главу свою вниз обративши, / Рухнул стремительно вниз»²⁷, – и такое чтение мы также видели в одной из ренессансных рукописей Лукана (*Laurentianus* 35. 19, XV век, fol. 23v). Но на самом деле необходимости исправлять текст скорее всего нет, потому что его можно объяснить калькой с греческого. В греческой поэзии аналогичные конструкции со схожим смыслом можно найти, во-первых, в *Call. Del.* 133–135:

название было обречено постоянно оказываться исправленным писцами на *Aegaeum*. Если эта идея верна, то в цитированном выше пассаже следует принять конъектуру О. Россбаха *Aegati*, а в *Luc.* 5. 613 мы бы предложили новую конъектуру *Aegatas*.

²⁶ В переводе последней фразы мы следуем интерпретации Элейн Фэнтем (*Fantham* 1992: 211): *stagnō* – глагол, применяемый также к разливающимся рекам (*OLD s.v.* 1b), – здесь парадоксально соединен с идеей глубины; т. е. Аверн как бы образует запруды в глубине, будучи на поверхности маленьким озером, этакую запруды по вертикали. Кажется, эта интерпретация делает пассаж более заостренным. В любом случае, даже если не принимать это предположение, у слова *stagnō* кроме того есть смысл «быть стоячей водой» (*OLD s.v.* 1a), и, следовательно, «загнивать», как и положено всякой воде загробного мира (см.: *Gruppe, Pfister* 1937: 70).

²⁷ Остроумов, Петровский 1951: 47. Перевод Остроумова, по-видимому, выполнен по первому тойбнеровскому изданию Карла Хозиуса 1892 г. (только там в *Luc.* 1. 295 в тексте печаталась конъектура Хозиуса *pedibusque* вместо *pronusque*), плюс в издании Остроумова–Петровского дополнительно использовалось лѣбовское издание Дж.Д. Даффа 1928 г. (не очень корректное текстологическое примечание Ф.А. Петровского к *Luc.* 1. 436–440 на с. 307–308 дословно переведено из Даффа).

ἀλλά οἱ ἄρης
 Παγγαίου προθέλυμα καρήατα μέλλεν αἰείρας
 ἐμβαλέειν δίνησιν, ἀποκρύψαι δὲ ῥέεθρα

«Но Арес собрался, подняв, бросить в его (Пеня. – *М.Ш.*) струи вырванные с корнем вершины Пангея и сокрыть его потоки (когда Пеней хотел принять у себя роды Лето. – *М.Ш.*)», – и, во-вторых, в Od. 9. 481–483:

ἦκε δ' ἀπορρήζας κορυφήν ὄρεος μεγάλοιο,
 κὰδ δ' ἔβαλε προπάροιθε νεὸς κυανοπρώροιο
 τυτθόν, ἐδεύησεν δ' οἰήϊον ἄκρον ἰκέσθαι.

«И он (Полифем. – *М.Ш.*) бросил, отломав, вершину большой горы прямо перед самым черноносим кораблем, но не задел наверх руля». В обоих случаях выражение «вершина (букв. голова) горы», похоже, означает просто «гору» целиком (ср., например, Od. 10. 113: жена лестригона Антифата была размером с «вершину горы», ὄρεος κορυφή); латинское *vertex*, кажется, не допускает такого значения²⁸. Пассаж из Гомера кажется более релевантным для Лукана, чем место из Каллимаха: Арес собирается не утопить гору в Пенее, а накрыть Пеней горой целиком. Кроме того, параллель с Гомером, кажется, больше подходит и по контексту. Бросание гор – это вообще явно опять мотив, связанный с гигантомахией²⁹, и действительно, если задаться вопросом, почему во втором лукановском примере бросается именно Гавр, ответ будет очевиден: Гавр (ныне Монте-Барбаро), как и Аверн, находится на кампанских Флегрейских полях, одном из мест, про которые утверждали, что гигантомахия проходила именно там (например, *Strabo* 5. 4. 6; 6. 3. 5; *Sil.* 8. 537–539). Киклоп же – гигантское чудище, прекрасно подходящее, чтобы быть упомянутым в одном ряду с гигантами (в отличие от Ареса). Кроме того, сама география первого лукановского примера, если там действительно речь о Сицилии, может быть, тоже конкретно подразумевает Полифема. Ситуация же, с которой сравнивается бросание гор у Лукана, напоминает еще о гомеровском эпизоде с лестригонами, другими гигантоподобными монстрами (Цезарь, как лестригоны у Гомера, тоже пытается помешать Помпею выйти из узкой бухты, и ему тоже удастся перехватить несколько кораблей).

²⁸ OLD s. v.

²⁹ Hardie 1986: 100–103.

II

Итак, получается, что у описываемых Луканом событий есть мифологический претекст, как-то опосредованный претекстом из римской истории. Но интересно, что к лукановскому сюжету оказывается прекрасно применима еще и аллегорическая трактовка эпизода о Полифеме. Сюжет о Полифеме, естественно, был очень популярным объектом аллегорезы, поскольку образ ослепления легко приобретает метафорические значения. Например, Гераклит-аллегорист пишет (*Heracl.* HP 70.4–5 = Σ¹ Od. 9.89): τὸν δ' ἄγριον ἐκάστου θυμὸν ὡσπερ εἰ καυτηρίῳ τῇ παραινέσει τῶν λόγων ἐπήρωσε· Κύκλωψ δὲ οὗτος ὠνόμασται, ὁ τοὺς λογισμοὺς ὑποκλωπῶν (*Hase: ὑπολωπῶν, ὑποσυλῶν codd.: ὑπιλλωπῶν Hemsterhuis: ὑποκλωπῶμενος Mehler*) «А дикий нрав он (Одиссей. – М.Ш.) у всех, словно клеймом, прижег словесным наставлением: тот (дикий нрав. – М.Ш.) назван Киклопом, потому что похищает (ὑποκλωπᾶ) способность разумно мыслить». На самом деле в этом тексте есть некоторое противоречие, которое будет лучше видно, если мы рассмотрим параллельное место из Фульгенция (*Fulg. Expos.* 94. 2–11 Helm; речь, правда, идет об «Энеиде», но, как видно из цитированного текста Гераклита, источником практически наверняка служит традиция гомеровской аллегорезы): ob hanc rem etiam Ciclops unum oculum in fronte habere dicitur, quia nec plenum nec rationalem visum puerilis vagina portat et omnis aetas puerilis in supebia erigatur ut Ciclops. ideo in capite oculum, quod nihil nisi superbum et videat et sentiat. quem sapientissimus Ulixes extinguit, id est: igne ingenii vana gloria caecatur. ideo eum et Poliphemum diximus quasi apolunta femem, quod nos Latine perdentem famam dicimus. ergo iuventutis elationem et famae perditionem aetatis caecitas sequitur «Поэтому и про Киклопа говорится, что у него один глаз на лбу: потому что мальчишеское шатание (у Фульгенция разные части «Энеиды» аллегорически изображают разные возрасты человека, и в III книге речь идет о мальчишеском возрасте. – М.Ш.) приносит видение неполное и неразумное, и мальчишеский возраст всегда возносится в надменности, как Киклоп. Глаз потому находится на голове, что (мальчишеский возраст. – М.Ш.) не видит и не различает ничего, кроме надменного. А мудрейший Улисс этот глаз выжигает, то есть: тщеславие ослепляется огнем разума. Поэтому я (реплика принадлежит Вергилию. – М.Ш.) и назвал его Полифемом, словно ἀπολοῦντα φήμη, что на латынь переводится как “потерявший славу”. И вот, за надменностью отрочества и потерей славы следует слепота юношеского возраста».

У Фульгенция хорошо виден момент, на который Гераклит, видимо, только намекает: Полифем вообще связан с дурными чертами, с аффектом и пороком («дикий нрав», «похищение разума», «надменность») именно потому, что он сам изображает ослепление; либо Полифем и есть аллегорическое «ослепле-